

Зависть гибельнее войны

(поучения Святых Отцов о вреде зависти)

«Эта болезнь есть начало вечных скорбей, залог бесконечных страданий»

(Цветник Духовный)

«Демоны от зависти (плодам веры) наносят нам неверие и если мы его принимаем, то делаемся их слугами и сообщниками.»

(Добротолюбие)

«Зависть под покровом благочестия - горькая вода в золотых сосудах.»

(Добротолюбие)

«Завистник почитает чужие несчастья своим счастьем, а благополучие других своим злополучием.»

«Не столько бедный огорчается своею бедностью, сколько завистливый - благополучием ближнего; что может быть гнуснее сего?»

(Свт. Иоанн Златоуст)

Извращение порядка в человеческом естестве от сатанинской зависти

Завистью дьявола вошла в мир смерть, и испытывают ее принадлежащие к уделу его.

(Прем. 2, 24)

Свт. Феофан Затворник. - Бог создал человека для блаженства и именно в Нем, через живое с Ним общение. Для сего вдунул в лицо его дыхание Своей жизни, что есть дух... Человеку даны в духе сознание и свобода, но не затем, чтобы он зазнавался и своевольничал, а затем, чтобы осознав, что все имеет от Бога и для того, чтобы жить в Боге, все свободно и сознательно направлял к сей единой цели. Когда он так бывает настроен, то в Боге пребывает и Бог в нем пребывает. Бог, пребывающий в человеке, дает духу его силу властвовать над душою и телом, а далее и над всем, что вне его. Таково и было первоначальное состояние человека. Бог являлся прародителям и подтвердил все сие Своим Божественным словом, наказав им Его Единого знать, Ему Единому служить, в воле Его Единого ходить. Чтобы они не запутались в соображениях, как все это выполнять, Он дал им небольшую заповедь - не вкушать плодов от одного древа, названного Им деревом познания добра и зла. Так и начали жить наши прародители и блаженствовали в раю. Позавидовал им падший прежде того по гордости дух и сбил их с пути, научив их преступить данную им небольшую заповедь тем, что обольстительно представил, будто с вкушением от запрещенного плода они вкусят такого блага, которого без того и вообразить не могут, - станут как боги. Они поверили и - вкусили. Дело вкушения, может быть, и не велико, но худо, что поверили, не зная кому. Может быть, и это не так бы было важно, если б не те страшно преступные мысли и чувства к Богу, какие, как яд, влил в них злой дух. Он наговорил им, что Бог запретил им вкушать от древа затем, чтобы и они не сделались богами. Этому поверили. Но, поверив так, они не могли не принять хульных о Боге помышлений, будто Он завидует им и неблагожелательно к ним относится, а приняв такие помышления, не могли миновать и некоторых недобрых к Нему чувств и своевольных решений: так мы же сами возьмем то, до чего Ты не хочешь допустить нас. Мы сами себя устроим наперекор Ему. Вот эти-то мысли и чувства были страшно преступны! Они-то и означают явное отступление от Бога и враждебное восстание против Него. У них внутри то же произошло, что приписывается злему духу: выше облак поставлю престол мой и буду подобен Вышнему, - и это не как летучая мысль, а как враждебное решение.

Так сознание зазналось и свобода воссвоевольничала, приняв на себя устройство своей участи. Отпадение от Бога совершилось полное с отвращением неким и враждебным восстанием против Него. За это и Бог отступил от таких преступников, - и живой союз прерван. Бог везде есть и все содержит, но внутрь свободных тварей входит, когда они Ему себя предают. Когда же в себе самих заключаются, тогда Он не нарушает их самовластия, но храня их и держа, внутрь не входит. Так и прародители наши оставлены одни. Если бы покались поскорее, может быть, Бог возвратился к ним, но они упорничали и - при явных обличениях ни Адам, ни Ева не сознались, что виноваты. Последовал суд и наказание изгнанием из рая. Тут опомнились, но уже было поздно. Надо было нести наложенное наказание, а за ними и всему роду нашему.

Дух был властен над душою и телом, потому что состоял в живом общении с Богом и от Него получал Божескую силу. Когда пресеклось живое общение с Богом, то пресекся приток и божеской силы. Дух, себе оставленный, не мог уже быть властителем души и тела, но был увлечен и сам завладен ими. Над человеком возобладала душевность, а через душевность - телесность, и стал он душевен и плотян. Дух хоть тут же, но без власти. Он заявляет свое существование то страхом Божиим, то тревогами совести, то недовольством ничем тварным, но его предьявлений не берут во внимание, а принимают только к сведению, всю заботу обращая на устройство своего быта здешнего, к чему и назначена душа, - и быта, более вещественного, потому что здешняя жизнь посредствуется телом и что все телесное осязательнее и кажется нужнее.

Когда произошло такое извращение порядка в соотношениях частей естества нашего, человек не мог уже видеть вещи в настоящем виде, не мог держать в должном порядке свои потребности, желания и чувства. Они пришли в смятение и беспорядочность стала характеристической их чертою. Но это недоброе, конечно, состояние было бы еще сносно, если бы не страсти, а то страсти превзошли и тираният человека... Смотрите, как рассерченного бьет гнев, как лихорадка? Как завистливого источила зависть, что

посинел, бедный? Как опечаленного иссушила скорбь, что он - кости и кожа. -Таковы и все страсти. Вошли же они вместе с самостию. Как только произнеслось внутри праотца: *так - Я сам...* так самость внедрилась в него - сей яд и сие семя сатанинское. Из нее потом развилось все полчище страстей. Расплодившись внутри, они еще более возмущают и без них уже смятенное там состояние.

Зависть

Зависть - смертный грех и есть печаль и болезнь сердца о добре ближнего, радость и веселие о зле. Зависть есть тяжкий недуг души (Свт. Тихон Задонский)

Прот. Евгений (Попов) - С именем зависти тотчас представляется нам что-то черное, снедающее душу. Но такова и есть зависть. Она составляет печаль о счастье ближнего, изъявляет досаду на чужое добро. Неприятно обнаруживается она и во внешнем виде человека. Отличительные черты завистника: сухие глаза, нахмуренные брови, выдающиеся плечи; от досады он трет своими пальцами. (Впрочем, минутное желание или чужой вещи, например, какой-либо комнатной, или чужого таланта, например, ловкости говорить, - еще не есть злая зависть. Это только грех своекорыстного пожелания. Оттого-то в этом грехе мы легко приносим сознание: "согрешил, позавидовал", говорим мы на сей раз). Не то зависть в настоящем смысле своего слова. В полном своем развитии оно есть постоянное злое чувство в душе, которое направлено или против одного какого-либо человека или против разных лиц, к кому только будет случай выразиться ей. Но преимущественно, если не единственно, она бывает обращена к лицам знакомым и близким. Это, например, соседи, сослуживцы, ровесники наши, родственники, а также имеющие между собой однородные занятия и желающие достигнуть одинаковых успехов, например, в однородной торговле или в какой-либо промышленности. Чтобы питалась зависть, требуется постоянная совместная жизнь с тем, кому завидуют. (Человеку достойному, прекрасному, который в своем месте много терпит от завистников, очень хорошо живется там, где он бывает гостем: в чужом месте ему сочувствуют и здесь-то мы видим невольное и хоть временное уважение к истине и добродетели в лице его со стороны людей, в свою очередь также завистливых). Для зависти затем, как питающий ее материал необходимо требуется со стороны ближнего ум, ученость, заслуги, успехи дел, награды, возвышения, высшие к нему милости и покровительства.

Где же родоисхождение ее или историческое начало? О, как сродна человеку зависть! Ее видим мы первой из страстей человеческих, - вслед же за самым грехопадением прародителей в раю. Ее встречаем в самой первой семье. Каин позавидовал своему брату Авелю, и зависть его разразилась новым страшным грехом, который доселе потрясает душу. Но если от исторического начала зависти в целом роде человеческом обратимся и к частной жизни каждого человека, то прежде других страстей встретимся с признаками той же злой страсти. Первое недоброе чувство в младенцах замечается какое же, если не зависть? (Двое грудных детей питались от одной матери, и когда мать кормила одно дитя в виду другого, - другое рвало от досады). Начинается зависть каждый раз оттого, когда человек увидит или услышит что-либо лучшее в положении других, чем сам не владеет; например, видит он, как другой строит себе большой дом, и - начинает завидовать; встречает равного себе со знаком отличия, и - скорбит от зависти; слышит, как хвалят другого или хотят возвысить известного человека, и - вдруг будто кто-то уколнет его в самое сердце. Да, от зрения и слуха начинается каждый раз зависть. Скажут: мы не завидуем, а только не миримся с тем, как недостойные люди везде успевают, как они не по своим способностям или направлению нравственному получают должности, награды или выгоды в жизни. Это, конечно, иное дело. Но в таком случае нет нашей печали о чужом счастье, а чувствуется одно сожаление: зачем же известный человек столько искателен или столько к нему пристрастны другие? Нет тогда нашей досады на чужое добро, а выражается только благородное негодование к чьему-либо достоинству. Эти чувствования и проходят скоро, а не возрастают в зависть. Умный и богобоязненный христианин тем более не хочет завидовать незаслуженному и неправедному счастью ближнего. - Где же конец зависти? О, смерти для зависти нет, как и для страсти сребролюбия! Это грех, так сказать, бесконечный, зло постоянное. Другие страсти хоть на известное время замолкают, после того, как человек удовлетворит им: а зависть - не так. Предоставьте сегодня завистнику то самое, чему он

завидовал вчера: он действительно порадует, но только на короткие минуты; завтра же он будет снова завидовать ближнему в других предметах. И по мере того, как делается счастливее соперник его, - он усиливает свою досаду на счастливец. Наделите его всяким счастьем, - он и еще найдет чему позавидовать. Таким образом не в редкость примеры, что самые высшие лица, которым бы, казалось, нечего желать в положении низших, - завидуют этим низшим; например, царь Ахав позавидовал винограду Навуфея. Зависть потому еще в высшей степени живучее чувство, что завистливый не останавливается на том, чтобы достигнуть тех же выгод или даров счастья, которые увидел у других и которых раньше сам не имел; нет! он досаждает и на то, чем владеет или пользуется в равной мере с другими. Он хотел бы на сей раз достигнуть вот какого положения: "ему одному иметь те и другие преимущества, а другим быть безо всего, хотя бы другие и не меньше его заслуживали счастья".

Цветник Духовный. - От чего этот человек не весел, - спросили у одного мудреца, указывая на завистливого, который всегда ходил с пасмурным и плачевным лицом? - "От того, - отвечал опытный знаток природы человеческой, - что либо ему приключилось какое несчастье, либо ближнему его посчастливилось".

Чего желает ненасытная зависть

Прот. Евгений (Попов) - Завистник - враг истины, которая на этот раз тем еще достопочтеннее, что проявляется в самой жизни человека. Завистник не терпит ничего светлого. Все, что есть лучшего в людях, как то: таланты, терпеливый и честный труд, благородная ревность, бескорыстие, - все это ему не нравится в ближних, потому что всему этому он завидует. Значит ему нужно видеть или только слабое или же прямо - порочное. Это выходит коршун, для которого хоть есть прекрасные луга с благоухающими цветами, чтобы во время полета останавливаться, но который между тем летит к местам гнилым и зловонным.

Словом, остается быть или нищим, или порочным человеком, например, пьяницей, или низким до убожества, чтобы избежать ненасытных глаз завистника, т. е. завистник не позавидует разве нищему или беспорядочной жизни нетрезвого или положению такого простака, на которого никто не обращает внимания: этим только людям он все прощает.

Цветник Духовный. - Как многие насекомые, минуя здоровое, устремляются на гнилое, так и завистливый человек, не обращая внимания на добрые качества лица, на светлые стороны его жизни, искивает в нем одни слабости, недостатки и к ним приражается, как жалом, языком своим.

Завистливый, если не может уже превратить добродетели ближнего в пороки, то приписывает им худые побуждения.

Против зависти

Прот. Виктор (Гурьев). - Святой Василий в поучении о зависти, между прочим, говорит: "зависть есть скорбь сердцу, тля души, сушило телу, разорение любви, ко всем вражда, залог мучению, лишение будущей жизни, геенне наследие". Из этого видно, что святой учитель смотрит на зависть как на величайшее зло. Так ли на самом деле? Без сомнения, братие. Чтобы убедиться в этом, стоит только раскрыть священную историю, и мы из нее сейчас же увидим, что зависть нередко доводила людей до страшных преступлений, а через это убедимся и в том, что и сама она поэтому - величайшее зло.

Вот Каин и Авель принесли Богу жертву. Авелева жертва приятна Богу, а Каинова нет. Каин начал завидовать брату, и зависть, несмотря на предостережение Божие, довела его до того, что он брата своего вызвал в поле и умертвил. Вот и Исав после того, как Иаков первый получил благословение отца, также завидует Иакову и с завистью соединяет мысль об убийстве. И братья

Иосифа сначала из зависти не могут дружелюбно говорить с ним; а когда рассказал он им свои сны, то и прямо уже говорят: "вот идет сновидец; уйдем его и бросим в какой-нибудь ров". Саул после победы Давида над Голиафом начинает завидовать Давиду и также ищет убить его. То, как бы в безумии, бросает в него копьем; то ищет, чтобы он погиб в неравной борьбе с Филистимлянами; то, наконец, и открыто гонит его. Вот, много богатств у Ахава: но он сдается скорбию, не вкушает пищи, и сон бежит от его очей при виде малого вертограда Навуфеева. И тут тоже совершается убийство, и Навуфей побивается камнями. Вот первосвященники, книжники и фарисеи завидуют славе Господа, которую Он стяжал в народе Своим учением и чудесами, и убивают безгрешного. Итак, примеры прямо доказывают, что святой Василий справедливо видит в зависти страшное зло. Но истину взгляда его доказывает и слово Божие. *Идеже бо зависть и рвение*, - говорит апостол Иаков, - *ту нестроение и всяка зла вещь* (Иак. 3, 16). А отсюда что же? Если зависть, как видим, есть величайшее зло и может доводить до страшных преступлений, то и должны, конечно, мы бегать от нее, как от губительной язвы.

Филарет Митр. Московск. - Чувство зависти грешно, потому что противно любви к ближнему - и бесполезно, потому что зависть не доставит нам того, чему завидуем, а только мучит нас; но оно и не нужно, потому что Бог Премудрый и Всеблагий, конечно, не поставил нас в такое положение, чтобы мы, по справедливости, могли завидовать другим людям, как бы обиженные Провидением.

Прп. Максим Исповедник. - Печаль завидующего трудно остановить. Ибо он почитает для себя несчастьем то, чему завидует в тебе. И не иначе можно успокоить его, разве скрывая то от него. Если же то для многих полезно, а ему печаль причиняет, то которую пренебречь сторону? Надобно стать на стороне полезного для многих; но по возможности, не пренебречь и о нем и не давать себе увлекаться коварством страсти, подавая помощь - не страсти, а страждущему от оной; но, по смиренномудрию, почитать его превосходящим тебя, и давать ему предпочтение над собою во всякое время, во всяком месте и во всяком деле. А свою зависть остановить можешь, если станешь сорадоваться радости того, кому завидуешь, и вместе с ним печалиться о том, о чем он печалится, исполняя заповедь Апостола: *"радоватися с радующимиися и плакати с плачущими"* (Рим. 12, 15).

Филарет Митр. Московск. - Отцы учат нас не останавливать мыслей наших на тех людях, которые занимают лучше нас положение, хотя, по-видимому, не больше (или не меньше) имеют на то права, но лучше смотреть на тех, которые не менее (или не более) нас имеют права на положение приятное, но находятся в более неприятном, нежели мы. Первое ведет к ропоту или зависти, а последнее располагает быть довольным нашим положением.

Прп. Антоний Великий. - Кто незлобив, тот совершен и Богоподобен, он исполнен радования и есть покоище Духа Божия. Как огонь сжигает большие леса, когда пренебрежешь о нем, так злоба, если допустишь ее в сердце, погубит душу твою и тело твое осквернит, и много принесет тебе неправых помышлений, возбудит брани, раздоры, молвы, зависть, ненависть и подобные злые страсти, отягчающие самое тело и причиняющие ему болезни. Поспешите стяжать незлобие и простосердечие святых, чтобы Господь наш Иисус Христос принял вас к себе и каждый из вас мог с радостью сказать: *"мене же за незлобие приял и утвердил мя еси пред Тобою во веки"* (Пс. 40, 13).

Зависть есть самый непреодолимый род вражды (Свт. Василий Великий)

Прп. Иоанн Кассиан - Надобно знать, что зависть труднее вылечить, нежели другие страсти. Ибо кого она однажды повредила своим ядом, для того почти, можно сказать, нет лекарства. Ибо она есть такая зараза, о которой образно говорится через пророка: *вот Я пошлю на вас змеев, василисков, на коих не действует заговаривание, и они будут язвить вас* (Иер. 8, 17). Итак, правильно сравнивается у пророка с ядом смертоносного василиска уязвление зависти, которой первым заразился и погиб виновник всех ядов и начальник. Ибо наперед он сам себя погубил, прежде нежели излил смертоносный яд на человека, которому позавидовал. Ибо *завистию диавола смерть вошла в мир, подражают же ему соучастники его* (Прем. 2, 24), как тот, который первым растлился заразой этого зла, не принял ни лекарства покаяния и никакого средства к уврачеванию, так и те, которые попустили уязвлять себя тем же угрызением, отвергают всякую помощь святого заклинания (см. Пс. 57, 5, 6); потому что они не по какой-нибудь вине других, а от счастья их мучаются, стыдятся обнаружить самую истину, а приискивают какие-нибудь сторонние, пустые и нелепые причины оскорбления. Так как эти причины вовсе ложны, то одно есть для них врачевание - извержение того смертоносного яда, который они не хотят обнаружить, скрывают в своем сердце. Об этом премудрый хорошо сказал: *если змий ужалит не в заговоре, то после нет пользы в заговорищике* (Еккл. 10, 11). Это суть тайные угрызения, которым одним не помогает врачевание мудрых. Даже до того неисцельна эта погибель (т. е. зависть), что от ласки ожесточается, от услуг напыщается, подарками раздражается; потому что, как говорит тот же Соломон (Притч. 6, 34): *ревность ничего не терпит*. Ибо чем более иной будет преуспевать покорностью смирения, или добродетелью терпения, или славою щедрости, тем большею завистью подстрекается завистливый, который желает падения или смерти тому, кому завидует. Например, зависть одиннадцати патриархов никакой покорностью невинного брата не могла смягчиться, как говорит об этом Св. Писание (Быт. гл. 37). А завидовали ему братья его за то, что любил его отец их, и не могли говорить с ним мирно, пока зависть их, не терпевшая никакой ласки услужливого и покорного брата, желавшая его смерти, едва могла удовольствоваться продажей брата. Итак ясно, что всех пороков губительнее и труднее к излечению зависть, которая самыми лекарствами, от которых прочие страсти прекращаются, еще воспламеняется. Например, кто скорбит о причиненном ему вреде, тот исцеляется щедрым вознаграждением; кто негодует за нанесенную обиду, тот умиротворяется смиренным извинением. А что сделаешь тому, кто еще более оскорбляется тем самым, что видит тебя более смиренным и более приветливым, которого воспламеняет на гнев не корыстолюбие, которое удовлетворяется наградой, не обида, или желание мщения, которое побеждается ласкою, услугами, но раздражает его только успех чужого счастья? Кто же для удовлетворения завистливому захочет лишиться благ, потерять счастье, подвергнуться какому-нибудь бедствию? Итак, чтобы василиск (дьявол) одним уязвлением только этого зла (зависти) не истребил всего того, что в нас есть живого, что как бы воодушевляется жизненным действием Св. Духа, постоянно будем испрашивать помощи Божией, для которой нет ничего невозможного. Прочие яды змей, т. е. плотские грехи или пороки, которым как скоро подвергается, так легко и очищается человеческая немощь, имеют некоторые следы своих ран на плоти, от которых хотя бы земное тело и весьма жестоко страдало, однако ж если какой-нибудь искусный заговорщик божественных стихов приложит противоядие, или лекарство спасительных слов, то гнойная рана не доведет до вечной смерти души. А зависть, как яд, излитый василиском, убивает самую жизнь религии и веры, прежде нежели почувствуется рана в теле. Ибо не против человека, а явно против Бога возносится злохулитель, который ничего другого в брате не похищая, кроме доброй заслуги, порицает не вину человека, а только суды Божии. Итак, *зависть есть тот корень горести, выпрыжь прозябаяй* (Евр. 12, 15), который, поднимаясь в высоту, устремляется к поношению самого виновника - Бога, Который сообщает человеку блага. Никого не должно приводить в смущение то, что Бог грозит послать василисков, которые бы жалили тех, пороки которых оскорбляют Его (Иер. 8, 17). Хотя верно то, что Бог не может быть виновником зависти, однако ж справедливо и достойно божественного суда, чтобы, когда блага сообщаются смиренным, а гордым и недобрым отказывается в них, как бы от самого Бога посланная зависть поразила и съела тех, которые по апостолу заслужили быть преданными в превратный смысл, как говорится и во Второзаконии: *они раздражали меня до ревности не Богом, и Я раздражу их не народом* (Втор. 32, 21)

Кирилл Еписк. Мелитон. - Зависть к благу ближних поставляет нас во враждебные отношения к Богу, которого суды и распоряжения мы позволяем себе судить и, может быть, осуждать.

Свт. Григорий Богослов. - Зависть- страсть несправедливая, потому что возмущает покой всех добрых и - справедливая, потому что сушит питающих ее.

Филарет Митр. Московск. - Василий Великий на вопрос: как произошло зло? - отвечает: оно произошло так, как происходит темнота, когда зажмуришь глаза. Сотворивший око не виноват, что ты закрыл глаза и тебе стало темно. К чему служит свобода? - К тому, чтобы избирать добро и блаженствовать по-ангельски и по-человечески, а не только бродить по земле, как скот, или прозябать, как трава.

О зависти и соперничестве

Св. Ефрем Сирин. - Кто уязвляется завистью и соперничеством, тот жалок; потому что он соучастник дьявола, которым *смерть вниде в мир* (Прем. 2, 24). В ком зависть и соперничество, тот всем противник; ибо не хочет, чтобы предпочтен был ему другой. Заслуживающих одобрения он унижает; кто идет добрым путем, тем полагает на пути соблазны; кто живет как должно, тех порицает, благоговейным гнушается, постящегося называет тщеславным, рачительного в псалмопении -любящим себя показать, скорого на услуги - жадным, расторопного в делах - славолубивым, прилежно занимающегося книгами - празднoлюбцем, искусного на ответы - чревоугодником. Завистливый никогда не радуется успеху другого. Если видит вознерадевшего о деле, не побудит, а скорее наставит на худое. Когда видит, что иной спит во время молитвы, не разбудит его, а скорее позаботится о соблюдении тишины. Если видит брата предавшимся покою, винит его в этом. Если видит его когда подвергшимся падению, чернит пред всеми. Горе завистливому, потому что сердце его всегда изнемогает от печали, тело снедается бледностью, и силы его истощаются. Всем он несносен, всем он враг, всех ненавидит, перед всеми лицемерит, всем строит козни, перед всяким носит личину, ныне дружится с одним, а завтра с другим и в расположении ко всякому изменяется, поддельвается к желанию каждого, и через несколько времени всякого осуждает, чернит одного перед другим, и каждого с каждым пугает. Итак, страшная отравка - зависть и соперничество: от них рождаются оклеветание, ненависть и убийства. Поэтому дальше от зависти бегите вы, воины небесного гражданства; дальше держите от себя соперничество и зависть, чтобы не подпасть осуждению вместе с дьяволом!

Свт. Тихон Задонский. - Демон демону не завидует, но человеку; а человек завидует человеку как подобный подобному. Так-то сатана ядом своим заразил сердце наше!

Свт. Иоанн Златоуст. - Бес завидует людям, а отнюдь не другому бесу; а ты, человек, завидуешь человеку, восстаешь против единоплеменного и однородного тебе, чего не делает и бес! Какое же тебе будет прощение, какое оправдание!

Зависть является причиной разнообразных зол ближнему

Прот. Евгений (Попов) - Сказано: *иде же зависть и рвение, ту нестроение и всяка зла вещь.* Потому между внутренними чувствами, которыми мы вредим ближним и себе, зависть занимает

самое первое место: (потому-то относительно внутренних состояний человека, которые нужно исправить, о ней у нас первая речь). От зависти мы начинаем чувствовать к иным нерасположение, которое в его основе не понимаем и, не понимая, называем безотчетным; зависть побуждает нас к злоречию, к унижению достоинств и заслуг ближнего к оклеветанию, к объяснению его неоспоримых и многолетних трудов только счастливыми обстоятельствами. Завистник тотчас подставляет ногу достойному человеку, для которого открывается хороший ход, например, по службе. О, какому же злу несродна эта зависть! На что низкое она не способна! На что светлое и доброе она не полагает своей черной печати! Не решается ли она на самые убийства? Как же тяжело иному целый век жить среди злых завистников! От зависти люди терзают друг друга, точно не люди, а звери.

И нам с тобой, христианин, нужно строже проверить себя: не часто ли и мы завидуем ближнему? Если так проверим себя, то и увидим следы зависти в расположениях своего сердца, и даже в словах и действиях в отношении к ближнему. Исцелиться же от этого недуга можем, вот чем: не будем стыдиться принести сознание хоть пред самими собой, что мы завистливы; станем, пожалуй, избегать бытности в тех местах или встречи с теми людьми, которые пробуждают в нас чувство зависти; такое наше избегание людей будет вовсе не по отвращению к ним, как бы ко врагам нашим (если мы не развили в себе уже и ненависти в отношении к ним), но только доставит нам больше покоя; не будем иметь пристрастий земных: кому немного нужно, тот и не завидует, но и со своей стороны пощадим ближнего - не будем подавать ему поводов, чтобы он раздражался чувством зависти в отношении к нам: например, при людях завистливых с осторожностью следует хвалить других, а тем более говорить о собственных великих предприятиях или о таком замечательном деле, которое уже успели мы выполнить.

Филарет Митр. Московск. - Когда горит дом, толпы народа бегут сражаться с огнем за бревна и доски неизвестного хозяина. Но когда душа горит огнем злой страсти, похоти, ярости, злобы, отчаяния; - так же ли легко находятся люди, которые поспешили бы живой водой слова правды и любви угасить смертоносный огонь, прежде нежели он объял все силы души и распространился до слияния с огнем геенским?

Зависть приводит к бедственному состоянию и самого завистливого

Завистливый вредит самому себе прежде, нежели тому, кому завидует. Завистливый, желая погубить другого, погубляет самого себя. (Свт. Иоанн Златоуст)

Прот. Евгений (Попов) - Завистник, столько по-видимому желающий себе одного добра, между тем часто идет против собственной пользы. Вот, например, такой-то человек был прекрасным помощником ему по службе или на должности его, приносил истинную пользу и всем: но пробудилась в нем зависть к этому человеку, окрепла в душе его зависть, и - он старается удалить от себя доброго сотрудника. Не нужны и отличные успехи дела, не жалко и попустить многим начатым предприятиям: лишь бы устранить от себя лицо, к которому зародилась и таится в душе зависть. (С такими-то примерами, т. е. когда завистник очевидно действует во вред себе, мы встречаемся). Угнетает, например, высший низшего без всякого отчета пред своей совестью. На каждом шагу виноват пред ним низший, а в существе дела достойный человек: везде он так и отыскивает причины, чтобы обвинить этого человека. Будто он поставил себе обязанностью всегда винить невинного. И думает он про себя, что законно поступает, что никогда не допустит себе позавидовать низшему лицу: между тем на деле выходит не так; он действует по одной зависти во вред себе и общей пользе. Давид, когда побеждал врагов, кому же больше служил, как не Саулу? Чье же более устроил и утверждал благосостояние своими воинскими успехами, как не благосостояние престола Саулова? Но когда хор девиц прославил в песне больше его, чем Саула, с этой минуты, вполне можно так сказать, кто-то укольнул Саула в сердце, и Саул стал преследовать столь дорогого для себя и для всего государства человека.

После всего этого уже не трудно судить о преступном качестве зависти. Она вредит себе же

самой. Завистник неспокоен, досаждает на чужое добро, но без всякой почти пользы самому себе, потому что не успевает же каждый раз попрепятствовать счастью и успехам человека, которому завидует. Чувство зависти он, обыкновенно, скрывает от других и даже от самого себя: из приличий или по иным побуждениям он не всегда выражает зависть и в своих речах, - разве бледность лица иногда ему изменит. Но зависть затаенная, в пределах одной души его, еще больше теснит его грудь.

Свт. Дмитрий Ростовск. - Зависть подобна моли, съедающей ту одежду, в которой родится. И она съедает то сердце, в котором рождается.

Свт. Василий Великий. - Как об ехиднах говорят, что они рождаются, прогрызая рождающую их утробу, так и зависть обыкновенно пожирает душу, которая ею мучается. Как ржавчина разъедает железо, так зависть - душу, в которой живет она.

Свт. Иоанн Златоуст. - Не так моль и черви съедают дерево и волну (шерсть), как горячка зависти съедает самые кости завистников и отравляет здоровье души их.

Цветник Духовный. - Если зависть есть скорбь, то у завистливого столько скорбей и страданий, сколько у других различных благ и совершенств. Эта болезнь есть начало вечных скорбей, залог бесконечных страданий. Дьявол мучится такой мукою, и завистливые на земле могут ощущать и понимать, что такое мучения адские.

Свт. Иоанн Златоуст. - Нет зла хуже зависти. Блудник, например, по крайней мере получает некоторое удовольствие, и в короткое время совершает свой грех; а завистливый мучит и терзает себя прежде того, кому завидует, и никогда не оставляет своего греха, но всегда остается в нем. Свинья любит валяться в грязи, демоны - вредить нам; так и завистливый радуется несчастью ближнего. Когда случится с ближним что-либо неприятное, тогда он покоен и весел, почитая чужие несчастья своим счастьем, а благополучие других своим злополучием и ищет не того, что ему могло бы быть приятно, но того, что ближнего может опечалить. Такие люди не достойны ли того, чтобы побить их камнями и замучить, как бешеных собак, как злобных демонов, как самих фурий? Как жуки питаются навозом, так и они, будучи некоторым образом общими врагами и противниками природы, находят для себя пищу в несчастьях других. Другие жалеют и бессловесное животное, когда его убивают, а ты неистовствуешь, дрожишь и бледнееешь, видя человека благополучным. Может ли быть что хуже такого бешенства? Вот почему блудники и мытари могли войти в царствие Божие, а завистники, находившиеся внутри его, выгнаны, по словам Спасителя: *сынове царствия изгнани будут* (Мф, 8, 12). Первые, освободившись от своих пороков, получили то, чего никогда и не ожидали; последние лишились и тех благ, какие имели.

Да и совершенно справедливо. Зависть превращает человека в дьявола, и делает его лютым демоном. От нее произошло первое убийство, от нее презрена природа, от нее осквернена земля, от нее впоследствии разверзшейся землей поглощены живые Дафан, Корей и Авирон и погиб весь тот народ.

Цветник Духовный. - Если мы боимся демона и ада, то столько же должны бояться и зависти: ибо она есть домашний демон, могущий привлечь в сердце завистника легион действительных духов злобы, - есть адское мучение, прежде страшного суда Божия воспламеняющее огонь геенский в душе грешника.

Блажен тот, кто так в нравственном отношении воспитал себя, что может радоваться за благополучие и счастье других, хотя бы сам ничего от этого не получал.

Размышления о вреде зависти

Свт. Иоанн Златоуст. - Но, может быть, кто-нибудь скажет: порицать зависть легко, а надо позаботиться о том, как избавиться от этой болезни. Как же можем мы освободиться от этого порока? Сначала помыслим, что входить в Церковь не позволено как блуднику, так и завистнику, и притом гораздо более последнему, нежели первому.

Вместе с тем представь и то, что ты не тому наносишь вред, кому завидуешь, а поражаешь мечом себя самого. В самом деле, какое зло причинил Авелю Каин? Ему против воли ускорил вход в царствие, а себя подверг бесчисленным бедствиям. Какой вред нанес Иакову Исав? Тот не обогатился ли и не наслаждался ли бесчисленными благами, а этот, после злоумышления своего, не принужден ли был выйти из дома родительского и скитаться в стране чужой? Что худого сделали Иосифу сыновья Иаковлевы, хотя едва не пролили крови? Не претерпели ли они голода и не были ли в крайнем бедствии, тогда как тот сделался царем всего Египта? Чем больше завидуешь, тем большие блага доставляешь тому, кому завидуешь. Бог за всем смотрит и когда видит обиженным не обижающего, то его еще более возвышает и прославляет, а тебя наказывает. Если Он не оставляет без наказания тех, которые радуются несчастьем своих врагов, как-то сказано: *не радуйся падению врагов твоих, да не увидит Бог и не угодно Ему будет* (Притч. 24, 17), то тем более не оставит без наказания завидующих не причинившим им никакого вреда. Итак, отсечем от себя зверя многоглавого: много ведь видов зависти. Если любящий любящего его не имеет никакого преимущества перед мытарем, то где станет ненавидящий ничем не обидевшего его? Как избежит геенны, сделавшись хуже язычников?

Прот. Иван (Толмачев). - Завистливый никак не годится для неба: потому что там также существует различие: он не радовался бы, а отравлял еще блаженство других.

Свт. Василий Великий. - Мы можем избежать зависти, если из человеческого не будем почитать великим и чрезвычайным ни того, что люди называют богатством, ни увядающей славы, ни телесного здоровья, но будем стремиться к приобретению благ вечных и истинных.

Что мы считаем достойным зависти

Свт. Иоанн Златоуст. - Жестоко болезную о том, что мы, обязанные подражать ангелам и даже Владыке ангелов, ревнуем дьяволу. Много зависти есть ведь и в церкви, и более в нас, нежели в управляемых нами, - почему и мы сами имеем нужду в увещании. За что, скажи мне, завидуешь ты ближнему? За то ли, что его уважают и хорошо говорят о нем? Но ты не представляешь себе, сколько зла приносят почести беспечным? Таких людей они доводят до тщеславия, до гордости, до надменности, до высокоумия, делают нерадивейшими, а сверх этих зол еще и скоро они увядают, и, что всего хуже, - происходящее от них зло навсегда остается, а удовольствие, лишь только появится, как и отлетает. Итак, из-за этого ты завидуешь, скажи мне? Но тот, кому ты завидуешь, в большей доверенности у начальника, делает все, что хочет, мстит оскорбляющим его, благодетельствует лстецам и имеет великую силу. Так говорить свойственно людям мирским, прикованным к земле. Духовного человека ничто огорчить не может. Какое в самом деле тот ему сделает зло? Лишит ли его сана? Что же? Если справедливо, то еще доставит ему пользу. Ничто ведь так не раздражает Бога, как священ-нослужение недостойное. Если же несправедливо, то осуждение опять падает не на него, а на самого обидчика. Кто страдает несправедливо и переносит великодушно, тот приобретает через это большее дерзновение у Бога. Итак, будем заботиться не о том, чтобы достигнуть могущества, почестей и власти, но о том, чтобы отличиться добродетелью и любомудрием. Власть побуждает делать многое, Богу неуютное, и надобно иметь очень мужественную душу, чтобы пользоваться властью, как следует. Тот, кто лишен власти, волей и неволею любомудрствует; а облеченный ею терпит то же, что и

человек, который, живя с хорошей и красивой девицей, обязался никогда не посмотреть на нее с вожделением. Такова власть! Вот почему она даже против воли делает многих обидчиками, у многих возбуждает гнев, снимает узду с языка и отворяет двери уст, как бы ветром раздувая душу и как ладью погружая ее в самую глубину зол. Итак, что же ты дивишься человеку, находящемуся в такой опасности, и называешь его счастливым? Какое безумие! Кроме того, подумай еще и о том, сколько врагов и клеветников, сколько ласкателей как бы держат его в осаде. Такое ли состояние, скажи мне, можно назвать блаженным? И кто назовет? Но такой человек в славе у народа, скажешь ты? Что ж? Народ - не Бог, Которому он должен дать отчет. Поэтому, указывая на народ, ты говоришь только о новых отмелях, подводных камнях, скалах и утесах. Уважение народное, чем более оно делает знаменитым, тем с большими соединено опасностями, заботами и печалью. Такой человек, имея столь жестокого господина, совсем не может отдохнуть или приостановиться. Что я говорю - приостановиться ли отдохнуть? Такой, имея и тысячи заслуг, с трудом входит в царство. Поистине, ничто столько не унижает людей, как слава народная, делающая их боязливими, подлыми, льстецами и лицемерами. Почему, например, фарисеи называли Христа беснующимся? Не потому ли, что желали народной славы? Почему народ произносил правильное о Нем мнение? Не потому ли, что Он не страдал этой болезнью? Ничто, истинно ничто так не делает людей законопреступными и несмысленными, как желание славы народной. Равным образом ничто так не делает славными и мужественными, как презрение ее. Потому и надобно иметь чрезвычайно мужественную душу тому, кто хочет противостоять такой буре, силе ветра. Любящий славу, когда он находится в счастливых обстоятельствах, ставит себя превыше всех, а когда в несчастных, то готов сам себя зарыть в землю. Это для него и геенна, и царство, когда он поглощен этой страстью.

Итак, скажи мне, достойно ли это зависти? Напротив, не достойно ли рыданий и слез? Это для всякого очевидно. Завидуя имеющему такую славу, ты поступаешь подобно тому, кто, увидев связанного, наказываемого бичами и влекомого бесчисленными зверями, завидует его ранам и язвам. Поистине, сколько людей в народе, столько и для честолюбца уз, столько владык, и что всего хуже, каждый из них имеет свое особое мнение и всякий дает о служащем приговор, какой случится, ничего не разбирая; а что вздумает один или двое, то и все утверждают. Не ужаснее ли это всякого волнения, всякой бури? Ищущий славы то вдруг от радости поднимается вверх, то снова легко погружается, бывает всегда в тревоге, и никогда в покое. Еще не выходя на зрелище, и готовясь произнести речь он беспокоится и трепещет, а после зрелища или умирает от уныния, или опять предается безмерной радости, - что хуже самой печали. А что радость не менее пагубна, чем печаль, это очевидно из ее действия на душу. Радость делает душу легкомысленной, надменной и непостоянной. Это можно видеть и на древних мужах. Когда, например, Давид был добродетелен, тогда ли, когда радовался, или когда был в тесных обстоятельствах? Иудейский народ когда был добродетелен: тогда ли, когда стенал и призывал Бога, или когда в пустыне радовался и поклонялся тельцу? Потому-то и Соломон, знавший лучше всех, что такое радость, говорит: *благо ходити в дом плача, нежели в дом смеха* (Еккл. 7, 3). Потому и Христос убажывает скорбящих, говоря: *блажени плачущии* (Мф., 5, 4); а радующихся почитает несчастными: *горе вам, смеющимся, яко восплачете* (Лк, 6, 25)! И весьма справедливо. Во время забав душа бывает слабее и изнеженнее, а во время скорби укрепляется, делается целомудренной, освобождается от всех страстей, становится возвышеннее и мужественнее. Итак, зная все это, будем убегать славы народной и удовольствия, происходящего от нее, чтобы достигнуть истинной и вечной славы, которой все мы и да сподобимся благодатию и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава и держава во веки веков. Аминь.

Зависть внешним преимуществам ближнего (красоте, богатству, власти и благосостоянию)

Прот. Евгений (Попов)- *В злобе и зависти живущие* (Тит. 3, 3). Именно зависть составляет жизнь или движет жизнью многих и многих. Итак, мы рассмотрим это злое чувство во всех жизненных его проявлениях, чтобы осудить его не вообще только, но и в частности. Так, например, есть своя, или особого рода, зависть мирская, иначе сказать: досада на какие-либо внешние и земные преимущества ближнего.

Зависть красоте

Начнем с того, что ближе представляется глазам: с "красоты телесной". Завидуют другому, что он красив лицом, что имеет стройный стан тела. Таковую зависть выражают как не имеющие красоты, так и те, которые обладают ею: первые выражают зависть каким-либо досадливым самоунижением, а вторые - оспариванием чужой красоты. Этот род зависти преимущественно свойствен женскому полу: досадно иной, что она не может нравиться, как нравятся за свою красоту другая и третья. Но природная красота - дар Божий: хорошо ли досадовать на Божий-то дар? За что не любить красивого или красивой, если не в их воле было родиться иными, хотя и от них зависит сохранить дольше свою красоту? А если красота честно, естественно сохраняется ими: это опять составляет заслугу их.

Зависть "чужому богатству"

Зависть богатства самая обыкновенная. Иной из бедных как-то и в душе своей имеет неприятное чувство к богачу без всякой вины со стороны богача, за одно то, что последний богат, между тем как *обоих их Господь сотвори* (Притч. 22, 2), между тем как в правилах соборных сказано: *"И богатства с правдою и благотворением не унижаем"* (Неокес. 21). Бедный думает про богатого: *несть падения оплоту, ниже прохода*, т. е. ограды его стоят твердо, со всех сторон огородился он: *ниже вопля в стогнах* его, никто на него не нападает, нет в отношении к нему шума, не тужит он, как ему жить - содержаться и во время самой дороговизны на все. Но напрасно *ублажиши* (Пс. 143, 14-15) богатого за это одно. Богатство вот в чем состоит: чтоб не нуждаться в богатстве! А если иные и из самых богачей они люди богобоязненные и строгие по жизни, и если таким образом, имея всякое довольство, между тем ограничивают себя во всем ради спасения души? Что же тогда? В чем же завидовать им? Не меньше ли они пользуются, чем иной бедный, теми чувственными удовольствиями, которые можно покупать деньгами? Да, для этих богачей весь внешний блеск их, как то: большие комнаты, обилие всяких вещей, большие дворы, хорошие экипажи, самый денежный капитал, - все это для них как-то "скользит", или мало занимает их. А нередко бывают и такие примеры, что "сквозь золото льются слезы". Впрочем не о том наша речь, будто богатство не составляет счастья в жизни, которым не следует дорожить, или будто богачи неприкосновенны, будто непременно доля их быть богатыми, будто они заслуженно пользуются богатством, между тем как другие не заслуживают этой доли, будто и мысли у других не должно быть относительно их, - зачем же они богаты (такого взгляда на свое положение они пожелали бы). Нет; но мы хотим только сказать, что и богатых Творец - Господь Бог: и их молитвы Он принимает. А мы от одного желания себе богатства не будем же богатыми. Что же нам досадовать, когда другие богаты, коли сами мы тоже не можем выйти в богачи? Напротив, по любви христианской мы должны и богачу сочувствовать в его довольстве или, так сказать, прощать ему от сердца счастье богатства, которым он обладает. Против зависти к богатству нужно поставить себя внутренне так, что без всякого смущения принимать слух, если и в невероятной цифре тот и другой из знакомых наших имеют денежный капитал. (О том еще, что богатство приносит множество забот, что оно редких не опутывает или не привязывает к себе, что при нем трудно спастись, т. е. о злоупотреблении богатством, и не говорим здесь).

Зависть власти других

Это также неразумная зависть, потому что нельзя же всем быть начальниками, потому что начальников требуется немного. И несправедливая это зависть, потому что не всегда от воли и желаний человека зависит: быть или не быть ему начальником. И напрасна или бесполезна она, потому что хоть и

тяжело быть вторым или третьим лицом такому человеку, который по своим способностям, заслугам и летам мог бы казаться занять первое место, но все же он силой не может присвоить себе начальствование, не может сам себя произвести в начальника. А кто умно и честно себя держит на низшем месте, к тому и начальник иной раз обратится за советом, того и без имени начальника знают и уважают. (О том, что иные, имея в руках жезл начальнический, вздыхают о скромном подчинении, что дельные начальники пользуются малым временем даже и для своего отдыха, что вот так-то они часто бывают окружены завистниками, - тоже не говорим здесь).

Зависть уму

Завидуют уму, учености, ученым степеням и правам. Вот этого рода зависть самая сильная! К чужой красоте, например, мужской, многие вовсе не имеют зависти. Богачам также не каждый раз завидуют, потому что для одних богач и нужен, других он часто угощает, третьи в нем, кроме богатства (кошеля с деньгами), ничего не видят такого, чем бы он превосходил их, и потому не гоняются за ним. Притом, бедняк позавидует богачу только раз, да на том и остановится: сегодня такой-то человек богат и завтра тоже: таким образом, чувство зависти к богатому вновь не зарождается, а только питается. Затем, и начальникам в их начальствовании немногие же завидуют; скорее начальников осуждают, если видят их несоответствующими своему месту. Но совсем не те отношения к умному человеку, и при уме еще не любящему льстить другим. Умный - даровитый человек - имеет в самом себе внутреннюю силу на других. Он при каждой встрече с другими своим дельным суждением, тем более новыми какими-либо почтенными трудами, дает почувствовать менее его умным и развитым свое превосходство пред ними. Отсюда-то зависть к нему со стороны других особенно бывает живуча. Отсюда прямое гонение на него. (Выражение "где богатому не завидуют, а умного не преследуют", обратилось в пословицу. Людям же посредственного, а тем более слабого ума, лучше всех живется на свете). Но зависть чужому уму также несправедливая и бесполезная. За отличные умственные дарования ближнего надобно бы только воздавать славу высочайше-премудрому Богу. Затем, в возможной мере развивать свой ум и искать образования никому не отказано. А ученому достигнуть его учености или потрудиться составить какое-либо ученое произведение (сочинение) никто же со стороны не помогал. Чем бы завидовать чужому уму, пусть бы завистник сам развивал себя в познаниях. Не завидует же может быть умный, ученый человек нашему денежному капиталу: отчего же мы завидуем его уму? Видно -нам хочется, чтобы ум-то и познания сами собой пришли к нам, без всякого труда с нашей стороны, так как труд свой мы сочли за лучшее на этот раз обратить к приобретению денег. Притом, завидуя умному, не убавим же мы у него способностей; напротив, своей привязчивостью в духе критики к его мыслям, произведениям и действиям скорее подвинем его вперед, к большей еще сообразительности и опытности. Но если чья-либо зависть умному и честно-деловому человеку обнаруживается и преследованием его, унижением его труда, и если от всего этого он падает духом, расслабевает способностями и таким образом делает опущения против пользы своей и общей: это уже падает на ответственность завистников. Наконец, есть еще умность, просвещенность другого рода, которую можно иметь каждому и без книжной учености: это умные дела человека, умная его жизнь. Святые подвижники не учились же в академиях, которых во времена многих из них совсем не было: но их умные изречения, как плод духовных опытов их в жизни, и ныне самыми умными приводятся в разговоре и сочинениях в виде свидетельств. (О том, что умные и даровитые люди часто предаются пылким страстям, особенно нетрезвости, что они делаются холодными к Богу и маловерующими, т. е. о злоупотреблениях умственными дарованиями и ученостью, здесь рассуждение также оставляем).

Зависть благосостоянию

Завидуют вообще счастьем или благоденствию других, например, что у иного есть дети, другой прекрасно устраивает участь своих дочерей замужеством, третий имеет уже и внучат, четвертый счастлив своей женой, пятый при всем этом пользуется хорошим здоровьем или спокойным местом службы. Но виноват ли наш ближний, что его-то жизнь течет счастливо, а наша - нет? Что нам пользы, если мы запрещаем (в своей душе) пользоваться ему каким-либо счастьем, коли у нас самих нет этого счастья при самом усилии иметь его? Не часто ли бывает каждому свое счастье? Не обманываемся ли еще мы иной раз относительно счастья известного человека, судя по его наружности? (Например, говорят: "он счастлив

в детях". На деле же выходит не то. Дети отцу известнее и быть может отец несет тяжелую борьбу с направлением и худыми наклонностями своих детей). Не может ли прийти время и для нашего счастья? А самое главное: не ожидаем ли мы другой, вечной жизни, где Господь Бог уравнивает наши доли, - кому чего Он не додал здесь, тем воздаст там? (О том же, что и самые крепкие духом люди в счастье и довольстве забываются, готовы сказать себе: "*не поколеблюсь во век*" (Пс. 29, 7); что вообще счастливая и благоденственная жизнь легко усыпляет человека и только Божии посещения могут разбудить его от такого усыпления (Пс. 77, 34), т. е. о злоупотреблениях земным счастьем, опять не ведем здесь речи, потому что могли бы конечно и сами мы, но в то же время и не могли - если бы положились на Божию помощь - злоупотреблять своим счастьем). Итак, умный христианин! Никакому внешнему благосостоянию и преимуществу других пред тобой *любь твоя да не завидит* (1 Кор. 13, 4). Совершенством христианской братской любви для тебя на сей раз может быть вот что: если видишь пред собой тот или другой дар земного счастья, пропусти к нему всех, не заботясь о себе, - останется ли что на твою долю, лишь бы досталось другим.

Зависть по отношению к некоторым дарам духовным

Видяше бо, яко зависти ради предаша Его (Мф, 27, 18) (Иисуса Христа). Как гордость бывает духовная, так точно и зависть. В чем состоит духовная зависть, лучше всего можем понять из примера иудейских первосвященников в отношении к Иисусу Христу. Иисус Христос не имел таких мирских и внешних преимуществ, которым бы можно было позавидовать в Нем. У Него не было ни богатства, ни дома, ни мирской власти. Но у Него была божественная мудрость, была трогающая сердца проповедь, была необыкновенная духовная власть, которой невольно повиновались торговцы в храме, были неисчислимыя благодеяния Его народу и чрезвычайные чудеса. И вот по мере того, как народ начал славить Его за эти качества, - стали завидовать Ему те, которые по своему званию и положению должны бы более или менее отличаться теми же качествами (кроме чудес)! Так-то и ныне есть завистники в этом роде. Например, завидуют архиерейскому или священническому сану; завидуют проповеднику слова Божия, - его талантам, усердию и успехам в проповеди; тем более можно встретить завистников человеку среди мирян, который усерден к церкви, часто говеет и приступает к святым тайнам, щедро подает милостыню, строго соблюдает посты. Чем же обнаруживается эта духовная зависть? Она особенно секретна и сам завистник должен употребить строгое испытание над собой, чтобы проследить ее в себе. Так, например, она изобличается тайным отдалением от того лица, к которому обращена. Более же ясно эта зависть выражается толкованием в противную сторону действий или только намерений человека набожного; говорят, например, что он ханжит, ищет себе славы, случается, ревностного христианина прямо называют безумным.

Эта зависть обнаруживается еще советом, чтобы ревностный христианин оставил какой-либо предпринимаемый подвиг или не продолжал бы более душеполезного дела: совет предлагается под предлогом доброжелательства; так, например, советовали иудейские первосвященники Иисусу Христу, чтобы Он запретил народные приветствия Ему при входе во Иерусалим будто бы для своей же пользы. Если же у духовной зависти нет сил повредить ближнему, в таком случае она выражается странно, по-детски. Так когда свт. Тихон Задонский, живя на покое, проходил по монастырской ограде, то монастырская прислуга вслед ему делала разные смешные телодвижения. Так один богатый человек строил богадельню, а другой некто не из простых же лиц позавидовал ему и всячески старался остановить его от доброго дела. Завистник дошел до такой нескромности, что однажды, встретившись со строителем богадельни на дороге, схватил палку и погнался за последним говоря только лишь одно: "зачем строишь богадельню?" Наконец, она может усилиться до ненависти. В таком случае она преследует невинное лицо на самом деле, как или чем только может. Эта ненависть имеет свой особенный характер. Сильнее и опаснее ее нет.

И то уже тяжело человеку, когда завидуют ему за одни естественные таланты. Но когда кто кроме естественных талантов отличается христианской ревностью, строгим духовным направлением, тогда война против этого человека поднимается вдвойне. Тогда возникают и убийственные замыслы: *убиваете и завидите* (Иак. 4, 2). Так, например, по нашей истории известно, что патриарха Никона, столь даровитого и строгого в подвижнической жизни,

завистники решались отравить.

Но мог бы и должен бы каждый в отношении к благочестивому человеку поступать иначе. Нет; завистник святому делу есть враг добра, враг Христа. Если бы он искренне любил Христа, то, и не делая в ином случае сам доброго, радовался бы христианской добродетели в других; с сочувствием принимал бы всякое дело, которое совершают другие во имя Христа и которое служит к славе Христовой; успех ближнего на сей раз он признавал бы будто собственным успехом. Не удивительно ли жалеть благодати Божией для других, например, когда кто часто приобщается св. таин Христовых или заслуженно удостоивается высшего духовного сана!? Как это и святые-то дела поставляют поводом к раздору и несогласиям!? Сколько разрушается самых добрых христианских предприятий единственно по духовной зависти! Не падают ли иногда целые православные миссии от этой подруги врагу - дьяволу? - О, православный христианин! Строго стереги свое сердце, чтобы не затаилась в нем духовная зависть даже на короткое время.

Всегдашнее недовольство своею участью приводит к зависти

Прот. Евгений (Попов)- Навыках (научился), *в них же есмь* (что есть), *доволен быти* (Флп, 4, 11). Вопрос о недовольстве своим жребием и остается рассмотреть в заключение всех служений о зависти; потому что сделаться довольным своей судьбой, значит перестать быть завистливым. Недовольство здесь разумеется вообще своей судьбой, а не в частности теми и иными неудобствами своего положения, тем более скорбями, которые в известное время терпим: нельзя же не желать предотвратить неудобства своего положения или не чувствовать своей скорби. Недовольство своею участью -это и общая болезнь. Весь род человеческий всем недоволен. Например, если возьмем во внимание возрасты жизни, то увидим, что дети желают скорей быть взрослыми, молодые хотят казаться старыми, а старые остаются недовольны сединами, скрывают свои годы и с чувством недовольства спрашивают: где же наша молодость? Бездетный недоволен тем, что у него нет детей, а имеющий детей скучает, что обременен семейством. Каждый свое лишь горе считает слишком тяжелым. А есть такие, которые обладают по-видимому всеми дарами счастья, между тем жалуются на свою участь. Притом, недовольство своим жребием не считают грехом. Где же причины его? - Нам всегда кажется лучшим то положение, в котором находятся другие, и мы думаем, что были бы более счастливы и довольны в положении других. Но это пристрастные сравнения себя с другими. Мы смотрим на одну только сторону жизни известного человека, которая ближе к нам, - на его успехи и преимущества: но не видим его внутренней жизни, которая может быть полна разных тревог, не обращаем еще внимания на то, - были ли бы достаточны наши силы и способности для того звания или состояния, в каком находится ближний наш.

Мы досадуем на свои неуспехи, а того и не сообразим, что ожидания наши были излишни и может быть неисполнимы. Кроме того, мы бы должны измерять свои желания не одним сердцем, которого желания (житейские) могут быть беспредельными, а таким взглядом на себя: заслужили ли мы у Бога, чего ожидаем? Если б мы сами по себе менее удостоивали себя за свои заслуги и способности, то и примирились бы со всякой долей в своей жизни. Как же после всего этого нам утвердить себя в таком состоянии, чтобы всегда оставаться довольными своим жребием? Нужно сравнивать себя по дарам счастья более с теми, которые на сей раз остаются позади нас, а не с особенными счастливыми. Нужно поставить себе правилом: ожидать в будущем не больше, чем позволяет предмет ожиданий, и даже менее, чтобы с большей ценой принять полученное сверх ожидания. Нужно положить себе цель в жизни, и - цель правильную. Итак, какая же верная и неизменная цель в жизни каждого человека? Это вообще труд для Бога, для спасения души: какими путями каждому достигать этой самой цели, нужно усматривать из обстоятельств своей жизни, из более постоянного положения своего. Тогда цель будет одна, зато и жизнь будет целостна. О христианин! И справедливость дела того требует и собственный твой покой состоит в том, чтобы тебе оставаться довольным своей судьбой. Не будь же, как говорится, вечно недоволен и неспокоен. Лучше держись мудро, христианского правила - быть всем довольным!

Фарисейская зависть и милосердие Господа

Свт. Иоанн Златоуст. *-И пришед оттуду, прииде на сонмище их. И человек, руку имый суху* (Мф, 12, 9, 10). -Другие евангелисты говорят, что Он вызвал человека на средину и вопрошал иудеев, можно ли в субботу делать добро (Мк, 3, 4; Лк. 6, 9)? Заметь милосердие Господа. Он вызвал человека на средину, чтобы смягчить их видом его; чтобы они, тронувшись этим зрелищем, оставили злобу свою и, устыдившись человека, перестали свирепствовать.

Тогда глагола человеку: прости руку твою, и простре; и утвердися цела, яко другая (Мф. 12, 13). Что же делают иудеи? Выходят, говорит евангелист, и советуются, как бы убить Его. *Фарисее же шедше, совет сотвориша на Него, како Его погубят* (Мф. 12, 14). Не будучи ничем обижены, они хотели убить Его.

Вот какое зло - зависть! Не только против чужих, но и против своих всегда враждует. Марк говорит, что они умыслили это с иродианами (Мк. 3, 6). Что же делает тихий и кроткий Иисус? Узнавши об этом, Он удаляется: *Иисус же, уразумев помышления их, отыде оттуду* (Мф. 12, 14). Итак, где говорящие, что надлежало быть знамениям? Он показал через это, что ожесточенный человек не убеждается и знамениями, а вместе дал разуметь, что напрасно обвиняли и учеников Его. Но достойно замечания то, что иудеи особенно ожесточались благодеяниями, оказываемыми ближнему, и более обвиняли Христа и разъярялись против Него, когда видели кого-либо избавленным от болезни или от греха. Так они клеветали на Него, когда Он хотел спасти блудницу, когда ел с мытарями, и в настоящем также случае, когда увидели исцеленную руку. Но смотри, как Он и не перестает печься о немощных, и вместе укрощает зависть иудеев. *И по Нем идоша народи мнози, и исцели их всех. И запрети исцеленным, да никому яве Его творят* (Мф. 12, 15, 16). Народ везде удивляется Ему, и следует за Ним, а фарисеи не оставляют своей злобы. Потом, чтобы ты не изумился, слыша о происшедшем и о чрезвычайном их неистовстве, евангелист приводит пророка, предсказавшего об этом. Пророки с такой подробностью предсказали все о Христе, что и этого не опустили, но описали все Его пути и переходы, даже самое намерение, с каким Он делал это, чтобы ты знал, что они все говорили по внушению Духа. Если нельзя знать тайны человеческие, то тем более невозможно было постигнуть целей Христовых без откровений от Духа. Итак, евангелист присоединяет здесь сказанное пророком, говоря: *яко да сбудетя реченное Исаием пророком, глаголющим: се Отрок Мой, Егоже изволих; возлюбленный Мой, наньже благоволи душа Моя. Положу Дух Мой на Нем, и суд языком возвестит: не преречет, не возопиет, ниже услышит то на распутных гласа Его. Трости сокрушенные не преломит, и льна внемшася не угасит, дондеже изведет в победу суд Его; и на имя Его языцы уповати имут* (Мф. 12,17-21). Пророк прославляет кротость и неизреченное могущество Христово, отверзает великую и широкую дверь язычникам, предрекает несчастья, имеющие постигнуть иудеев, и показывает единомыслие Христа с Отцом. *Се, говорит, Отрок Мой, Егоже изволих; возлюбленный Мой, наньже благоволи душа Моя.* Если Христос избран Богом, то Он нарушает закон не как противник, или враг Законодателя, но как согласно с Ним мыслящий и поступающий. Далее, возвещая о кротости Его, говорит: *не преречет, ни возопиет.* Христос желал исцелить их больных; но когда они отвергли Его, то Он и в этом не противодействовал им. Далее, показывая Его силу, а их слабость, говорит: *трости сокрушенны не преломит, - а Христу легко было сокрушить их всех, как трость, и притом уже надломленную. И льна внемшася не угасит.* Здесь пророк изображает воспламенившийся гнев иудеев и силу Христову, могущую укротить этот их гнев и весьма легко погасить его. А это показывает великую Его кротость. *Тогда приведоша к Нему беснующаяся слепая и нема: и исцели его, яко слепому и немому глаголати и гледати* (Мф. 12, 22).

О злость дьявольская! Заградила оба входа, через которые этот человек мог получить веру, - зрение и слух. Но Христос отверз тот и другой. *И дивляхуся народи, глаголюще: еда есть сей сын Давидов? Фарисеи же реша: Сей не изгонит бесы, токмо о Вельзевуле князе бесовстем* (Мф. 12, 23-24). Казалось бы, что важного сказал народ? Однако фарисеи и того не перенесли. Так они, как заметил я выше, всегда мучатся благодеяниями, оказанными ближним, и ничто их так не огорчает, как спасение людей. Хотя Христос удалился и дал успокоиться их гневу, но зло опять воспламенилось, как скоро новое оказано благодеяние, и фарисеи досадовали более дьявола. Тот вышел из тела, пошел и убежал, ничего не говоря, а они - то покушаются умертвить Его, то стараются оклеветать; когда не удалось им сделать первого, то

хотят помрачить Его славу.

Что же? Всегда так будет? И Он до конца будет терпеть злоумышляющих и неистовствующих против Него? Нет! Когда Он совершит Свое дело, тогда и начнет наказывать. Это-то и выражается словами: *дондеже изведет в победу суд. И на имя Его языцы уповати имут.* Что же значат слова: *дондеже изведет в победу суд*? Когда совершит все Свои дела, тогда совершит месть, и месть полную; тогда они подвергнутся несчастьям, когда Он воздвигнет блистательный трофей, когда Его правда восторжествует над ними и не оставит им даже предлога к бесстыдному противоречию. Писание обыкновенно называет правду судом. Но дела божественного домостроительства не ограничатся только наказанием неверных; напротив, Господь еще привлечет к Себе весь мир, почему и присовокуплено: *и на имя Его языцы уповати имут.* Но чтобы ты знал, что и это согласно с волею Отца, пророк в самом начале и это вместе с предыдущим подтвердил словами: *возлюбленный Мой, наньже благоволи душа Моя.* Возлюбленный, очевидно, делает и это по воле Возлюбившего.

Предел долготерпения Божия

Прп. Макарий Египетский. - Бог, как благий и человеколюбивый, долготерпелив и весьма ожидает покаяния от каждого из согрешающих, обращение кающегося вменяя в небесный праздник. Ибо Сам говорит: *радость будет на небеси о едином грешнице кающемся* (Лк. 15, 7). Но, если кто, видя сию благодать и долготерпение, видя, что, Бог не наказывает за каждый грех, ожидая, как сказали мы, покаяния, презрит заповедь и самую благодать, - увы! - обратит в повод к небрежению, присовокупляя грех ко греху, на одном грехопадении созидавая другое, леность прилагая к лености; то исполнит он меру грехов, и уловлен уже будет таким грехом, из которого невозможно ему восстать, и он погибает, вопще спасаясь от сокрушения и в конец преданный лукавому. Так было с Содомлянами; они исполнили, даже превзошли, меру грехов; и, когда не осталось в них искры покаяния, - по суду Божию стали добычею огня. Так было при Ное. Предавшись необузданным стремлениям к пороку, не показывая в себе никакого покаяния, люди собрали для себя такое бремя грехов, что совершенно растлили всю землю. Так к Египтянам, которые много согрешали и оскорбляли народ Божий, Бог был благ, не предавал их совершенному истреблению, но разными казнями вел к покаянию. Когда же, едва обратившись к Богу, снова возвращались к пороку, предавались прежнему неверию и напоследок погнались за изведенным Божиим народом: тогда суд Божий истребил и погубил их совершенно. Так, когда Израиль много согрешал и убивал пророков Божиих, - Бог сохранял обычное Ему долготерпение. Но когда Израильяне до того преуспели в злобе, что не устыдились достоинства Владыки, но и на оное возложили убийственные руки: тогда навсегда они отвержены и низринуты, отняты у них пророчество и священство, и даны уверовавшим язычникам.

Яд, сокровенный в человеке

Свт. Тихон Задонский. - Когда тело немоществует, ищешь врача для исцеления, хотя и знаешь, что хранина сия разрушится и обратится в прах и землю. Не много ли более должно радеть о душе бессмертной и нетленной, цена которой весь мир, небо и землю превосходит, и исцеления ей искать? Так дорога душа, что по образу Божию созданная и бесценною Сына Божия кровью искупленная: и не радиши о ней!.. Не радишь, так как не видишь и не знаешь лютые и смертоносные болезни ее и яда, в ней сокровенного. О, когда бы возможно было человеку видеть лютую заразу ее! Воистину ужаснулся бы, и неутешно бы плакал и рыдал о бедствии и гибели ее, и все бы оставивши позади себя, искал ее исцелить, и в первое благообразие и доброту привести! Кто, видя крайнюю беду свою, от нее освободиться не ищет?

Познанная беда убеждает человека искать способа и помощи избавиться от нее. Познай и рассматривай, человеце, лютую немощь души твоей, и будешь стараться о исцелении ее. Без познания немощи не бывает исцеления. Познаем, возлюбленные, лютую немощь, в сердце и душе нашей скрывающуюся, и обратимся ко Христу, Врачу душ и телес, и от Него со всяким тщанием и усердием

поищем исцеления, часто и из глубины сердца вознося к Нему десяти прокаженных гласом: *Иисусе, Наставниче, помилуй нас!* (Лк, 17, 13). Но и сами о себе постараемся радеть, уклоняясь от всякого греха, т. к. тем Он оскорбляется. Кто прогневляет врача, от которого ищет исцеления. Не более ли старается угождать ему? Заразил нас змий древний лютым ядом своим: от Христа Сына Божия поищем исцеления. Он *един* может от того исцелить нас; и исцеляет верою к Нему воздыхающих и молящихся. Израильтяне, угрызаемые в пустыни от змей, взирали, по повелению Божию, на вознесенную змию *медяну*, и так исцелялись (Числ. 21, 6-9): так должно нам верою взирать на Христа Сына Божия, за грехи наши вознесенного на древо, и Крестом Своим сокрушившего этого змия главу. Да от смертоносного его яда исцелимся. *Якоже Моисей вознесе змию в пустыни, тако подобает вознестися Сыну человеческому. Да всяк веруяй в Онъ не погибнет, но имать живот вечный* (Ин. 3, 14 и 15).

Сердце человеческое исполнено ядовитыми змеями

Свт. Феофан Затворник. - Приникнем глубже вниманием к сему сердцу и прислушаемся к тому, что там. Упрежду ваше соображение сравнением. Путник в горах видит пещеру, вход в которую прикрыт разросшейся травой, внутри мрак. Приложив ухо, он слышит там шипение змей, рычание и скрежет зубов диких зверей: это образ нашего сердца. Случалось ли вам когда наблюдать за движениями его? Попробуйте сделать это, хотя в продолжение небольшого времени, и вот смотрите, что вы можете там увидеть. Получили неприятность - рассерчали; встретили неудачу - опечалились; враг попался - загорелись мезтью; увидели равного вам, занявшего высшее место, - начинаете завидовать. Подумали о своих совершенствах - заболели гордостью и презорством. А тут человекоугодие, тщеславие, похоть, сластолюбие, леность, ненависть и проч. - одно за другим поражают сердце. И это иногда в продолжение нескольких минут. Все это исходит из сердца и в сердце же возвращается.

Справедливо один из подвижников, внимательных к себе, созерцал сердце человеческое полным змеем ядовитых, кои суть страсти. Когда загорается какая-либо страсть - это то же, как бы змеем выходил из сердца и, обращаясь на него, уязвлял его жалом своим. И когда возникает змеем - больно, и когда жалит - больно... Ужаливая, питается он кровью сердца и тучнеет; тучнея, делается более ядовитым и злым, и еще более тиранит сердце, в коем живет. Так бывает не с одной только страстью, но со всеми, а они никогда не живут поодиночке, а всегда все в совокупности, одна другую заслоняя, но не истребляя.

Митр. Вениамин (Федченков). - Однажды почувствовала я ненависть к одной близкой батюшкиной духовной дочери. Мучилась я этим искушением и призналась старцу, а он в ответ дал мне прочесть историю Иосифа - как братья позавидовали пестрой одежде; и поняла я - корень ненависти моей зависть. И тут я почувствовала умиление сердечное.

Страсти душевные

Прп. Иоанн Кронштадский. - *Извнутри, из сердца человеческого исходят злые помыслы, прелюбодеяния, любоддеяния, убийства, кражи, лихоимство, злоба, коварство, завистливое око, богохульство, гордость, безумство: все это зло извнутри и оскверняет человека* (Мф. 15, 18, 19).

Вот какое скопище греховной нечистоты и мерзости - сердце человеческое и какая настает потребность, необходимость каждому человеку непрестанно очищать его, просвещать, утверждать в истине и правоте, освещать Духом Святым посредством пламенной молитвы и таинств покаяния и причащения пречистого Тела и Крови Христа Бога. Он требует каждый час и минуту нашего внимания, благодатного очищения. *Очисти первее внутреннее стекляницы и блюда*, - внушал

Господь фарисеям, - *да и внешнее их будет чисто: внутрь уду полни есте хищения и всякие нечистоты* (Мф. 23, 25). Читай обличительные речи Господа фарисеям и книжникам. Да, наше сердце порывается на самоугодие, зависть, лукавство, неприязнь и ненависть, на блуд, на лицепрятие, на леность, малодушие, уныние, корыстолюбие, жестокосердие; непрестанно стремится к измене Богу, к нарушению Его святых заповедей и к исполнению воли дьявольской, к отступлению от царства Божия и к водворению в сердце царства вражия - сатанинского, всякой неправды и нечистоты, как то: презорства и унижения ближнего, суетности, тщеславия, сребролюбия и проч. Читай чаще св. Евангелие и вникай в него, слагай в сердце все словеса, притчи, заповеди и советы Спасителя нашего Господа Иисуса Христа и будешь великий мудрец и великий купец.

Свт. Иоанн Лествичник. - Человекоубийцы бесы побуждают нас или согрешить, или, когда не грешим, осуждать согрешающих, чтобы вторым осквернить первое.

Знай, что и это признак памятозлобного и завистливого человека, если он легко с удовольствием порицает учение, дела и добродетели ближнего, будучи одержим духом ненависти.

Познание нищеты духа

Прп. Макарий Египетский. - Та душа есть нищая духом, которая познает язвы свои, познает и окружающую ее тьму страстей, и всегда просит избавления у Господа, переносит и труды, но не радуется ни о каком земном благе, полагается же на одного только прекрасного Врача и на его врачевание. Как же сия изъявленная душа будет прекрасной, благообразной, достойной сожития со Христом? Не иначе, как разве только обращено будет внимание на то, какой создана она первоначально, и как ясно познает свои язвы и свою нищету. Если не услаждается она теми язвами и струпами страстей, какие имеет на себе, не извиняет своих погрешностей, то Господь не вменит ей безобразия, но, пришедши, исцелит и уврачуеет ее и возвратит ей бесстрашие и нетленную красоту; только бы она, как сказано, произволением своим не входила в общение с тем, чего требуют страсти и не соизволяла на то, что производят они, но всеми силами зывала ко Господу, чтобы от благого Духа Его сподобиться освобождения от всех страстей. Поэтому, блаженна душа сия. Но горе той душе, которая не сознает язв своих, и по причине великой и безмерной порочности, не думает, что имеет какой-либо порок; ее не посещает и не врачует добрый Врач; потому что и не заботится она о язвах своих, почитая себя невредимой и здоровой. *Не требуют, - сказано, - здравии врача, но болящих* (Мф. 9, 12).

В какой мере за рачительность свою и веру приобщился кто небесной славы Духа Святого, и украсил душу добрыми делами; в такой мере в оный день и тело его соделается достойным прославления. Ибо что внутрь себя собрал человек ныне, то откроется тогда внешним образом, как плод, зимой сокрытый внутри дерев, в весеннее время является наружу. Посему, боговидный образ Духа, еще ныне как бы напечатленный внутрь Святых, соделает и тело их, по внешности, боговидным и небесным. Покрывало же мирского духа, лежащее на душе оскверненных и грешных, мерзостью страстей, соделав (увы мне!) и самый ум омраченным и безобразным, явит и тело, по внешности, омраченным и исполненным всякого срама.

О правосудии Божиим

Прот. Виктор (Гурьев). - Многие обольщают себя ложной надеждой на милосердие Божие. Иной грешит и не кается и только говорит одно: "Бог милостив, Бог милостив!"

Святой Василий Великий учит: "Благ ли есть Бог? -спрашивает он, и отвечает: да, благ, но и правосуден. Праведного Он награждает по заслугам его, а уклоняющихся в развращение поставит Господь с делающими беззаконие. Милостив ли Бог? Да, милостив; но вместе Он есть Праведный Судия, как и сказано: *любит Господь милостыню и суд...* Так, милость у Него соединена с правосудием. Потому убоимся и правосудия Божия, чтобы не услышать нам грозный глас: *отыдите от Мене, вси делающии беззаконие! Идите от Мене, проклятии, во огонь вечный, уготованный диаволу и аггелом*

его. И неужели же можно спастись не исполняющим заповедей Господних? И неужели же можно остаться без наказания тому, кто презирает поведенное?.. Нет, на суде Божиим станет против нас и само слово Божие и скажет: *обличу тя и представлю пред лицом твоим грехи твоя.*

Итак, правда, что Господь милостив; но, как видите, Он вместе с тем и правосуден и воздаст каждому по делам его. И потому пусть грешники и не обольщают себя безнаказанностью и тщетной надеждой на милосердие Божие. Бог милостив только к кающимся и заботящимся о своем исправлении.

О совершенстве духовном

Прп. Макарий Египетский. - Если кто удерживается заботами мира сего и различными узами, и водится зловредными страстями, то он далек от познания, что есть иная борьба, и иная невидимая брань. Но желательно, чтобы человек, отрешившись от всего видимого, удалясь от плотских удовольствий, начав неотступно предстоять Господу, пришел в состояние познать внутри производящую борьбу страстей, и сокровенную в нас брань. Ибо если не будет сего, и человек не возлюбит от всей своей души предстоять Богу, то не познает он сих тайных зловредных страстей и внутренних уз, но будет пребывать в опасности, имея на себе язвы и питая в себе сокровенные страсти, почитать и представлять себя здоровым. А презревшему похоть и славу делается сперва возможным познать сие; а потом, когда с верою будет умолять Христа, и примет с неба духовные оружия, броню правды, шлем спасения, щит веры и меч духовный и поборет все сие.

Дух Святой, зная, как трудно избавиться от страстей неявных и тайных, и что они как бы укоренены в душе, показывает через Давида, как должно совершаться очищение от оных. Ибо сказано: *от тайных моих очисти мя* (Пс. 18, 13), то есть с помощью многих молений, веры и совершенного устремления к Богу, при содействии Духа, может быть совершено сие нами; если притом напрягаем к этому силы, и всяким хранением блюдем сердце свое.

О том, чтобы не иметь зависти и соперничества

Св. Ефрем Сирин. - Блажен, кто не подвержен зависти и соперничеству, ибо соперничество и зависть друг другом держатся, и в ком есть один из этих пороков, в том оба они. Поэтому истинно блажен, кто не впал в сии пороки, и не уязвлен ни одним из них. Ибо кто соперничает с братом своим несправедливо, тот осуждается вместе с дьяволом. Кто соперничает, тот побежден; в нем есть и вражда, его мучит успех других. А в ком нет зависти и соперничества, того не печалит успех других. Когда другому оказана честь, он не смущается. Когда другой возвышен, он не тревожится, потому что всем отдает преимущество, всех предпочитает себе; себя одного почитает недостойным и последним из всех, прочих же всех признает превосходнейшими, всех лучшими себя. Независтливый не домогается чести, с радующимися радуется, не приписывает себе славных дел, успевающим помогает, с удовольствием смотрит на тех, которые идут добрым путем, хвалит тех, которые живут, как должно. Если видит, что брат хорошо делает свое дело, не препятствует ему, но поощряет его своими советами. Если видит другого предавшимся покою, не ставит ему того в вину, но поддерживает его сторону. Если видит брата в проступке, не чернит его, но дает ему надлежащий совет. Если видит гневного, не возмущает его, но с любовью успокаивает, склоняя к миру. Если видит печального, не пренебрегает им, но соболезнует о нем и утешает его душеполезным словом. Если видит неученого и невежду, спешит научить его и наставить в полезном. Если видит незнающего, без зависти указывает ему путь к лучшему. Если видит, что иной спит во время псалмопения, старательно будит его. И короче сказать: независтливый и не имеющий в себе соперничества ни в каком деле не издевается над ближним; напротив того, всякому успеху и всякому доблестному делу друга радуется независтливый.

Как предотвратить зависть в детях

Ириной еписк. Екатеринбургский и Иркутский.

- Что должны делать родители, чтобы не допустить развиваться в сердцах детей зависти и недоброжелательству? В ответ на этот вопрос заметьте следующие пять правил.

Первое правило. Задерживайте своевременно всякое проявление в детях зависти. Она может проявиться в них в самых различных формах. Обращу ваше внимание на некоторые примеры того, как обнаруживается этот гнусный порок в самых маленьких детях, так как общие замечания мало могут помочь в данном случае. Если дети за столом торопливо спешат подставить свои тарелки, в видимом беспокойстве, что пока дойдет очередь до них, другим роздано будет, а им останется немного; если они, бросая по сторонам взоры, начинают быстро есть, чтобы упредить других и получить еще добавку, если дитя мрачным взором оглядывает тарелки братьев и сестер, думая, что они больше его получили, если оно полученную порцию сравнивает с другими, чтобы видеть, не получил ли кто больше, если они сравнивают купленные для них игрушки, классные принадлежности и платье с такими же вещами у братьев и сестер, не получил ли кто лучшей вещи, - если вы это и подобное замечаете в своем дитяти, то это - видимый знак его завистливого сердца. Таких порочных проявлений вы, родители, не должны терпеть, обязаны всячески искоренять их, где бы и когда бы они ни проявились. Напротив, вы должны приучать своих детей к тому, чтобы они довольны были тем, что получают. Если дитя отталкивает подаваемую ему вещь, потому что и другое дитя получило то же, то это доказательство, что зависть пустила уже в нем глубокие корни, и оно за такой свой поступок заслуживает всегда серьезного и чувственного наказания.

Другая сторона зависти есть злорадство, которое весьма часто встречается у детей. Оно также обнаруживается в детях различным образом. Если дети злобно улыбаются, когда кого-либо из братьев или товарищей наказывают за что-нибудь, или еще насмеются над наказываемым, то эти недобрые дети заслуживают такого же наказания, как и наказанный. Если дети лживо жалуются друг на друга, лживым образом сваливают вину друг на друга с злобной целью, то это должно быть всегда строго наказываемо. Если дети передают и о действительных проступках своих братьев или товарищей, то и этого нельзя оставлять без порицания, когда это делается ими с целью, чтобы другой был наказан. Вообще, доношения от детей только тогда должно терпеть, когда отец или мать, законоучитель или учитель, поставляют их для надзора или порядка и требуют правдивых ответов. Но при этом нужно учить их, чтобы они, подобно прекрасному Иосифу, сообщали о проступках своих братьев, сестер или товарищей не из злорадства, но дабы предохранить от греха.

Второе правило. Не вызывайте сами зависти в сердцах детей своих. Это происходит часто от того, что родители пристрастно поступают в отношении к детям: одного предпочитают другому. Христианские родители не должны иметь между своими детьми так называемых любимцев; долг их - относиться ко всем с равной любовью, мерить всех одною и тою же мерою, так как в противном случае родители сами возбуждают зависть в сердцах тех детей, которые считают себя нелюбимыми. В пище, в одежде, в подарках не должно одному давать предпочтение пред другими, но для всех должна быть одна мерка. Похвала и порицание, награды и наказания также должны быть для всех соразмеряемы в равной мере: нельзя пропускать без внимания младшему то, что обыкновенно порицается и наказывается в старших. Какие печальные последствия могут происходить от того, когда неодинаково относятся к детям, когда одного предпочитают другим, видим на примере братьев Иосифа, которого отец больше любил, чем других.

Третье правило. Не учите детей этому гнусному пороку своим примером. Если дети часто слышат, как отец или мать с завистью и зложелательством говорят о своих знакомых и сослуживцах, позволяют себе злорадственные о них рассказы; если родители в присутствии детей своих бранят людей богатых, часто выражают свое недовольство, что они не так богаты, не так счастливы в своих делах, в своих предприятиях, как тот или этот, - вообще, если дети дома почти ежедневно и ежечасно ничего другого не слышат, кроме завистливых, зложелательных речей о своих ближних, то может ли быть иное, как не то, что зависть, зложелательство пустит корни в нежные души детей, которые ко злу гораздо восприимчивее, чем к добру?

Четвертое правило. Учите своих детей ненавидеть зависть и гнушаться ее, как богопротивного

порока. Зависть есть гнусный порок; но не это должно быть главным основанием, почему ваши дети должны избегать его. Зависть это глупый порок, так как он не только не приносит завистливому никакой пользы и выгоды, а напротив, один вред, отравляя ему жизнь ядовитым своим зложелательством. Но и не это только должно побуждать вас предостерегать от зависти детей ваших. Они должны потому прежде всего избегать этой страсти и гнушаться ее, что это пред Богом величайший грех, что Бог запретил ее. Как противна зависть в очах Божиих, вы лучше всего можете показать своим детям на том, что зависть происходит от дьявола; он принес зависть в мир, позавидовавши счастьем Адама и Евы, которым они наслаждались в раю. Как отвратителен пред Богом порок зависти, вы можете, далее, научить детей своих, указав на то великое зло, которое произошло уже из зависти; из зависти сатана соблазнил наших прародителей на грех; зависть сделала Каина братоубийцей; по зависти братья продали Иосифа; зависть побудила фарисеев ложно обвинять Господа Иисуса Христа и требовать Его смерти. Как богоненавистна зависть, можете, наконец, показать своим детям, разъяснив им, что завистливый подражает дьяволу, уподобляется ему и потому некогда будет разделять жребий с дьяволом. Самое худшее, что можно сказать о зависти, сказано словом Божиим устами Премудрого: *завистью дьявола вошла в мир смерть, и испытывают ее принадлежащие к уделу его.*

Последнее правило. Насаждайте с самых ранних лет в сердцах детей ваших противоположную этому пороку добродетель, именно - благорасположение ко всем и доброжелательство - вообще ту любовь к ближним, которая всегда и во всяком случае поступает по словам Спасителя: *во всем, как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними* (Мф. 7, 12). Родители должны словом и примером учить детей своих искренней, деятельной любви к ближним, быть сострадательными к бедным и нуждающимся, к братьям, сестрам и другим детям, быть уступчивыми, услужливыми и добрыми. Дети должны приучаться радоваться благополучию ближнего и скорбеть о его несчастьи; они должны, по слову Апостола, *радоваться с радующимися и плакать с плачущими* (Рим. 12, 15). Они должны учиться взаимно переносить недостатки и не быть доносчиками о проступках своих братьев, сестер и соучеников. С самых ранних лет ими должно быть усвоено высокое значение заповеди о любви к ближним, которую Спаситель поставляет наравне с заповедью о любви к Богу, и следование коей Он считает признаком Своих учеников: *потому, - говорит Он, - узнают, что вы Мои ученики, если имеете любовь между собою* (Ин. 13, 35).

Под совестной «лупой»

Иван Ильин. - Всякое самооправдывание скрывает за собой потребность доказать другим людям, а может быть, и себе самому, что чувство вины, таинственно шепчущее в глубине оправдывающейся души, - неосновательно и имеет право угаснуть. Однако такая потребность не заслуживает удовлетворения. Духовный рост человека требует не самооправдания, а самообвинения.

Человек, вооружающийся совестной "лупой" впервые - может быть просто потрясен и подавлен тем зрелищем сложно-утонченной мотивации и динамики каждого отдельного поступка, которое ему предстанет в нем самом. Он вдруг убедится, что он до известной степени желал того и втайне готовил то, чего он явно опасался; что он в известном смысле не хотел того, о чем мечтал и о чем, может быть, даже молился; что какие-то струи его жизни текут в направлении, обратном тому, которое он считает главным и решающим в своей жизни; что в тончайших ответвлениях его души укрываются оттенки зависти, ревности, жадности, зложелательства, честолюбия, тщеславия, ненависти, мстительности -страстей, которые он считал в себе преодоленными и вычищенными и которые, может быть, и в самом деле были ослаблены до того, что уже не могли подвинуть его на самостоятельно- и цельно-мотивированный поступок; но искоренены они не были. И он вынесет, может быть, тягостное впечатление, будто его религиозно-нравственный катарсис еще не начинался.

Это движение внутрь и вглубь, к сокровенным мотивам, к малозаметным деталям, к скрытым остаткам страстей в самом себе - в высшей степени плодотворно: оно научает человека смирению, зоркому созерцанию греха и настоящему, неутомимому религиозно-нравственному самоочищению; оно приучает его к чувству вины, к скорби о своей плохости, а следовательно, ведет его к одинокому раскаянию и к настоящему церковному покаянию.

Духовный рост человека требует от него великого и священного мерил. Он должен не

сравнивать свою мнимую "праведность" с грешностью других людей, ибо этот путь обманчивый и соблазнительный: достаточно понять, что по сравнению с дьяволом самый последний человеческий злодей может показаться самому себе "порядочным человеком". Надо смотреть не вниз, а взирать вверх, как бы вычитая себя из совершенства Божия и сосредоточиваясь не на том, что я уже приобрел, а на том, чего мне все еще не хватает. Надо мерить себя не видимостью своей "порядочности" и не похвалами общественного мнения, а лучом христианской совести, которая, несомненно, имеет божественное происхождение.

Это измерение быстро приучает человека к распознаванию своей вины в каждом отдельном поступке и к смиренному несению ее. И чем больше смирения будет в ее несении, тем более будет в человеке простоты и искренности, и тем плодотворнее будет протекать процесс религиозного очищения.

«Блаженны кротции, яко тии наследят землю» (Мф. 5, 5)

Еписк. Михаил (Грибановский). - Мир, полный лукавства и беззакония, преуспевает на пути своем; он с шумом и торжественно несется по пути внешнего развития, не зная Бога и не нуждаясь в Нем.

Внешний успех мира, его победные клики, его презрительное отношение к смиренной Христовой Церкви - не могут ли иногда смутить и верующее сердце, не могут ли иногда заронить искру зависти и ревности даже и в мужественную душу? Люди мира сего во лжи и без Бога, обгоняя и попирая друг друга, покоряют землю и овладевают ее благами. А живущие во Христе, стараясь блести внутреннюю правду и жить по-божьи, конечно, по необходимости должны отстать в этом состязании, и, конечно, на них свысока и с презрением будут смотреть обгоняющие их на всех путях гордые деятели мира.

Но не будем смущаться этим.

Мы должны твердо верить в силу и крепость нашего Бога. Даже гнева мы не должны допускать в своем Сердце, видя успехи беззаконников, а тем более ревновать до того, чтобы им делать зло. Не наш ли Бог еще устами Давида открыл нам, что делающие зло истребятся, и кроткие наследуют землю и наслаются множеством мира?

И посмотрите, как уже во многом исполнились откровения Божии относительно кроткой Церкви Христовой. Не скрежетали ли на нее зубами своими представители иудейского народа, и не посмеялся ли над ними Бог, предвидя день их национальной гибели? Не обнажали ли своих мечей, не натягивали ли своих луков язычники, чтобы низложить церковь бедных и нищих, чтобы пронзить идущих прямым путем? И не вошел ли меч их в их же сердца, и не сокрушились ли их луки? Не преклонилась ли языческая сила к подножию креста Христова, предварительно в безумии распяв на крестах множество невинных жертв? И кого хотели стереть с лица земли всяческими способами муки и смерти, - и не они ли терпением и кротостью победили своих мучителей и наследовали их землю?

Но борьба мира против Церкви не прекратилась. Насилие из одной формы перешло в другую. Победенное в одном роде оружия, оно схватилось за другое. Безбожные владетели несметных богатств мира, воюющие и теперь против Христа и Церкви, держащие в своих руках судьбы народов и забирающие в свою власть землю, - кто они, как не те прежде скрежетавшие зубами на апостолов еврейские начальники, как не те же бичевавшие и казнившие их представители языческой силы?

Но и их судьба предсказана. В то время, как они, соединившись вместе, войдут в славу и вознесутся, - их постигнет гибель; исчезая, исчезнут они, как дым. Нашествия полчищ кровожадных варваров извне и изнутри также в руке Божией, как и все во вселенной, и злые силы, побивая и ниспровергая друг друга, а иногда карая и добрых за преступления и грехи, исполняют великий закон нравственного возмездия и неумышленной справедливости, которая присуща самым стихиям мира, и от которой никто и нигде вырваться не сможет. И этот закон рокового саморазрушения зла, насилия, гибнущего от собственного же насилия, исполняясь здесь, на земле, очищает на ней место торжеству кротости. *Уповай на Господа и держись пути Его - и Он вознесет тебя, чтобы ты наследовал землю (Пс. 36, 34).*

Своим злом мы участвует в вине всего мира

Иван Ильин. - Грех есть разливающееся море безлюбности, пошлости, духовной близорукости или даже слепоты, безответственности, нецельности и неискренности. И если даже эта стихия не сгущается у него в порывы гордости и злобы, в деяния жадности и мести, в дела коварства, интриги, бесчестия, низости, центральной лжи, корыстного предательства и убийства; и если даже эта стихия остается в нем сравнительно вялой, экстенсивной, недействительной и напоминает собой скорее стоячее, топкое болото - то ее качество от этого нисколько не изменяется.

"Качество" греха состоит в том, что человек, которому дана возможность "ходить в свете" и пребывать в огне, не ходит в свете, а пребывает "во мгле и сени смертной"; или, выражаясь словами греческого Гераклита Эфесского, - "наслаждается грязью".

Каждый человек, без исключения, пока он ведет земную жизнь в человеческом облики, приобщается некой совокупной, общечеловеческой виновности.

Мы соучаствуем в вине всего мира - и непосредственно, и через посредство других, огорченных нами, обиженных или зараженных дурными чувствами людей, и через посредство третьих, неизвестных нам, но воспринявших наше дурное влияние. Ибо все человечество живет как бы в едином, непрерывно-сплошном "эфире", который включает нас в себя и связует нас друг с другом.

Каждая лукавая мысль, каждое ненавистное чувство, каждое злое желание, - и, само собой разумеется, каждая пошлая книга, каждая безвкусная и хаотическая картина, каждая скверная музыка, каждая политическая интрига, каждая лживая речь, каждое злодейство, - отравляют этот духовный воздух мира и передаются через него дальше и дальше. И наоборот: каждая искра чистой любви, каждое благое движение воли, каждый совестный помысел, каждая одинокая и бессловесная молитва, - не говоря уже о благих деяниях и созданиях истинной культуры, - все излучается в эту общую жизненную среду и несет с собой свет, теплоту и очищение все это, "Благоухая и звеня Восходит к Божьему престолу" (Федор Сологуб).

Бессознательно и полусознательно читаем мы друг у друга в глазах и в чертах лица, слышим звук и вибрацию голоса, видим в жестах, в походке и в почерке многое сокровенное, несовершенное, несказанное, и восприняв, "берем с собой" и передаем другим. И мало кто испытывал это с такой остротой и постигал с такой ясностью, как Достоевский.

Образно говоря: Кащей бессмертный и волшебник Клингзор вредят миру уже тогда, когда только еще вынашивают свои злые замыслы. Баба-Яга не напрасно развозит в ступе свою злобу и не без основания пытается замести свой след помелом. Сатанисты не бесцельно, не бессильно и не бесследно предаются своим "медитациям".

Но и душевная гармония Серафима Саровского не напрасна и не бессильна. И из пещеры Варсанофия Великого изливался и доньне изливается великий свет от сорокалетнего молчания. И одинокая молитва Симеона Столпника доньне светит миру благодатно и действенно. А неведомые праведники, которыми держатся города и царства, образуют подлинную, реальную основу общечеловеческой жизни и истории.

Об истинной действительности

Еписк. Михаил (Грибановский). - Мы хотя живем в настоящем и окружены его действительностью, но не знаем ее, не можем проникнуть в ее духовные основы, не в состоянии разобраться в ней и найти ее внутренний смысл, найти тот Божий перст, который ведет ее к известной цели; мы живем в непрерывных иллюзиях, в тягостном заблуждении относительно настоящего; мы видим только то, чего хочет наше сердце, к чему тяготеет наша юля; мы нарочито измышляем такую действительность, которая оправдывала бы наши проступки, и верим в ее реальность. Поэтому мы менее всего видим действительность, какова она есть в себе, как она проходит пред очами Божиими во свете чистого сознания. Боговдохновенные мужи и открывают эту истинную действительность людям, призывая их к покаянию и к прозрению, чтобы отвратить

несчастья, грядущие на них за их заблуждения и самочинные пути. - Прошедшая действительность также извращается и затемняется нами, и мы не в состоянии удержать в себе ее правдивого облика и тем более не видим в ней тех писем Божиих, которые ярко горят на темном фоне человеческой жизни для боговдохновенного писателя. - Еще более недоступно нам будущее. Но взор боговдохновенного мужа проникает и туда, прозирая грядущую истину. Будущее коренится в основах настоящего, оно уже намечено в той духовной действительности, которая подлежит воплощению. Темный внебожий (удалившийся от Бога) мир идет по темным роковым законам судьбы; светлый Божий мир свободы и добра развивается по нравственным внутренним, но, тем не менее, также непреложным законам, и боговдохновенному взору открывается, как в блеске молний, возникающая из них грядущая действительность, и явственно рисуется во свете очей Всевидящего Бога будущая борьба добра и зла и все иногда страшные и губительные, а иногда и спасительные для человека последствия. Так Святой Дух наставляет Своих избранных на всякую истину.

Царствие Божие внутри вас есть (Лк. 17, 21)

Еписк. Михаил (Грибановский). - Мы не от мира сего. Это однако не значит, что мы должны внутренне чуждаться тех людей, с которыми сводит нас действительная жизнь, и мечтать о других существах, которые более подходили бы к нашему идеалу. Да, мы должны быть как можно дальше от всего худого и в нас и в других; наш долг - бороться с этим неустанно и беспощадно. Но ведь это худое и есть то, что отчуждает людей друг от друга и производит между ними вражду и нестроения. Удаляясь от этого, христианин именно уходит из этого стихийного мира, где люди - взаимные враги, в тот мир, где они могут быть друзьями и братьями. Но этот мир не в мечтательной выси фантазии, а как раз в той же самой среде и в тех же самых людях, среди которых мы живем. Как бы они ни враждовали между собой, они все же чувствуют, что в них есть некоторый высший мир добрых чувств: любви, истины, благожелания и самопожертвования. Извне и по инерции страстей они ведут жестокую взаимную борьбу, но внутри они не могут не чтить общей единой святости всех, которая невидимо и неслышимо проникает самую глубину их грешных душ. Вот в этой-то действительной святости действительных окружающих нас людей и есть "тот" мир, в котором мы должны жить, как христиане.

Христианин своим духом непосредственно переживает реальность этой святости. Он чувствует, что этот мир любви и гармонии уже существует, уже есть в глубине духа в каждом из окружающих, только нужно захотеть и суметь войти в него. Он сознает, что это не его только создание, не его только благой порыв, а более, гораздо более объективная и вечная действительность, чем все другое, видимо предстоящее нам.

Христианин должен всецело жаждать этого внутреннего царства. Но это не значит, что он должен быть поэтому косно недейтельным или праздно-мечтающим в этом мире. Подражать Христу, Апостолам, Святителям и мученикам - вот самый верный и надлежащий путь к царству "не от мира сего".

Таким образом, верующий в "то" царство входит в самое внутреннейшее общение с окружающими его людьми, хотя часто и неведомо для них. Не помимо их он ищет того неба, к которому призван, а в них же и через них же. Он идет к тому миру через деятельное общение с ближними этого мира, будь оно в сфере мысли, дела или невидимой молитвы и любви. То, что может казаться уединением христианина, только видимость. Он ближе к своим ближним, чем сами ближние между собой и к самим себе. Он не мечтает, а реально живет в том действительном мире, который скрывают от нашего духа наши земные мечтания. Его царство "не от мира сего", - не в туманной дали времен и пространств, не в отвлеченной пустоте измышлений и призраков, как у земных поэтов и мыслителей, а сейчас, в этот миг, на этом небольшом пространстве, в этой среде, между этими ближними.

Список использованной литературы:

1. «Нравственное богословие», Свято-Успенский Псково-Печерский монастырь, 1994 г.
2. Иоанн Лествичник "Лествица" М., 1994 г.
3. «Жизнь и учение преосвященного Феофана Вышинского затворника», М, 1915 г.
4. Добротолюбие, т. 2, М., 1895 г.
5. «Пролог в поучениях». Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1992 г.
6. «Цветник Духовный», М., 1909 г.
7. Христианская жизнь по Добротолюбию. Харбин, 1930 г.
8. Филарета митрополита Московского и Коломенского Творения, «Отчий дом», 1994 г.
9. Писания преподобного Иоанна Кассиана, М., 1892 г.
10. Ефрем Сирин «Творения», т. 1, Московский Патриархат, 1993 г.
11. Избранные творения архиепископа Константинопольского Иоанна Златоуста. Московский Патриархат, 1993 г.
12. «Творения Тихона Задонского». М., Русский Духовный центр, 1994 г.
13. Митрополит Вениамин (Федченков) «Божии люди», М., 1997 г.
14. Иоанн Кронштадский «Правда о Боге, мире и человеке», СПб., 1909 г.
15. Макарий Египетский «Духовные беседы», Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1994 г.
16. Иреней, епископ Екатеринбургский и Ирбитский «Кормчая книга по морю житейскому», г. Екатеринбург, 1901 г.
17. И. А. Ильин. «Аксиомы религиозного опыта», Париж-Москва, 1993 г.
18. Епископ Михаил (Грибановский) "Над Евангелием", Полтава, 1911 г.

Зависть губительнее войны - М., тоо «Рарогь», стр. 72

ISBN 5-87372-078-9 © тоо «Рарогь»

Формат 60x88/16. Объем 4,5 п.л. Тираж 20000экз. Зак. 6919

ЛР №060178 от 25.10.96. г

ТОО «Рарогь», 125040, Москва, Ленинградский проспект 2, тел. 257 65 33

Отпечатано с готового оригинал-макета в филиале Государственного ордена
Октябрьской

Революции, ордена Трудового Красного Знамени Московского предприятия
"Первая Образцовая типография" Комитета Российской Федерации по печати.
113114, Москва, Шлюзовая наб. 10